

Продолжаемое мошенничество: теория и практика

**Бакрадзе Андрей Анатольевич,
адвокат, доктор юридических наук, доцент,
профессор Государственного университета управления**

В статье рассматриваются теоретико-прикладные аспекты продолжаемого мошенничества в контексте общего понятия хищения как материального состава.

Ключевые слова: мошенничество, хищение, материальный ущерб, имущество.

Continued fraud: theory and practice

**Bakradze Andrey Anatolyevich,
doctor of juridical sciences, associate professor,
professor of the State University of Management**

In article are analyzed theoretical and practical aspects of continued fraud in a context of the general concept of plunder.

Key words: fraud, theft, damage, property.

Диспозиция общеуголовной нормы о мошенничестве (ст. 159 УК) предусматривает самостоятельную ответственность как за хищение чужого имущества, так и за приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. При этом диспозиции некоторых специальных составов мошенничества, в частности ст. ст. 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК, закрепляют уголовно-правовую охрану собственности лишь от одного из видов мошенничества – хищения.

Правильность квалификации продолжаемого мошенничества, как, впрочем, и любого хищения неразрывно связана с точным установлением признаков объективной и субъективной сторон преступления. По общему правилу, выработанному в теории уголовного права, моментом окончания хищения следует считать объективно существующую у виновного возможность свободно, т.е. при отсутствии противодействия, включая преследование со стороны потерпевшего или третьих лиц, распоряжаться чужим имуществом как своим собственным. В свою очередь, возникновение такой возможности у виновного означает одновременное наступление материального ущерба, поскольку именно в этот момент имущество окончательно выбывает из фондов собственника или иного законного владельца. В следственно-судебной практике возникают случаи, когда хищение, состоящее из ряда тождественных и охваченных единым умыслом эпизодов,

квалифицируется как неоконченное преступление (единое продолжаемое) в силу того, что при совершении последнего эпизода виновное лицо было изобличено и не получило реальной возможности распорядиться чужим имуществом по своему усмотрению. В такой ситуации действия виновного справедливо квалифицируются как неоконченное хищение исходя из стоимости всего ранее похищенного имущества, а также стоимости имущества, хищение которого было пресечено на стадии совершения последнего из ряда тождественных эпизодов.

Обязательным признаком объективной стороны хищения является ущерб, причинение которого собственнику или иному владельцу имущества позволяет судить о хищении как о материальном составе. В этой связи, конструкции пяти из шести диспозиций основных различающихся по способу совершения форм хищения связывают момент окончания преступления непосредственно с наступлением общественно опасных последствий в виде имущественного ущерба.

Следует отметить, что законодательное решение вопроса о моменте окончания хищения чужого имущества как «изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или владельцу этого имущества» не соотносится с разъяснениями, содержащимися в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹ и п.п. 4, 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»², следуя которым хищение признается оконченным «если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распорядиться по своему усмотрению».

Анализ вышеназванных положений показывает, что как таковых изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц ещё недостаточно для признания факта причинения ущерба. Указанные признаки могут не совпадать по времени, в связи с чем вполне возможна ситуация, при которой имущество уже не находится во власти собственника или иного владельца³, но при этом виновное лицо ещё не получило реальную возможность пользоваться или распорядиться им в полном объеме по своему усмотрению.

На наш взгляд, здесь кроется одна из проблем ответственности за хищение как материального состава, выражающаяся в несоответствии общественной опасности содеянного квалификации единого продолжаемого преступления как неоконченного в тех

---

¹ БВС РФ. 2003. № 2.

² БВС РФ. 2008. №2.

³ В.И. Гладких, И.В. Власова, Р.Н. Шумов. Противодействие преступлениям, сопряженным с принуждением к совершению сделки или к отказу от ее совершения. Монография. Международный юридический институт. М., 2010. С. 36.

случаях, когда преступная деятельность прерывается в момент совершения последнего из ряда тождественных эпизодов. Например, стоимость такого имущества может быть незначительной или вовсе составлять лишь малую часть от стоимости ранее похищенного имущества, однако незавершенность последнего эпизода в данном случае будет (должна) означать и незавершенность всего преступления в целом.

Интересным и неоднозначным примером здесь видится уголовное дело в отношении Т. – заместителя прокурора САО г. Москвы, вина которого в совершении четырёх преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК, ч. 4 ст. 159 УК, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК, ч. 4 ст. 159 УК, установлена Головинским районным судом г. Москвы и выразилась в следующем.

Так, Т, в силу занимаемого им служебного положения, стало известно о возбуждении следственной частью управления при УВД по САО г. Москвы уголовного дела № 89612 по факту контрабанды 4 автомобилей «Лексус» работниками ООО «А» по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 188 УК. Не имея возможности влиять на ход и результаты расследования указанного дела, Т, из корыстных побуждений, с использованием своего служебного положения решил совершить мошеннические действия в отношении знакомого ему Я. - одного из учредителей ООО «А»⁴.

По эпизоду № 1, Т. признан виновным в совершении мошенничества, то есть хищении путём обмана чужого имущества в особо крупном размере – денежных средств, принадлежащих Я, на общую сумму 6 215 250 рублей, группой лиц по предварительному сговору, с использованием своего служебного положения.

Как следует из материалов дела, Т. путём обмана ввёл Я. в заблуждение о якобы грозящем ему уголовном преследовании по уголовному делу № 89612, пообещав ему за денежное вознаграждение решить вопрос об освобождении его от уголовной ответственности. После чего в период с 1 по 10 октября 2007 года Т., действуя через А., получил от Я. первые 100 000 долларов США. Затем, в период с 11 по 20 октября 2007 года, действуя совместно с А., получил от Я. вторую часть денежных средств в размере 150 000 долларов США причинив последнему материальный ущерб в вышеуказанном размере.

По эпизоду № 2, Т. признан виновным в совершении мошенничества, то есть хищении путём обмана чужого имущества в особо крупном размере – денежных средств и имущества, принадлежащих Я., на общую сумму 9 305 453 рубля, с использованием своего служебного положения.

---

⁴ См.: Приговор Головинского районного суда г. Москвы от 08.12.2010 г. по уголовному делу № 201/374145-08.

Как видно из материалов дела, Т., ранее завладев обманным путём денежными средствами Я. на общую сумму 6 215 250 рублей, решил вновь совершить хищение имущества Я. путём обмана, сообщив ему заведомо ложные сведения о планируемом привлечении его к уголовной ответственности по уголовному делу № 89612. После чего в период с 26 по 30 ноября 2007 года Т. безвозмездно получил от Я. катер «М-у». Затем в период с 1 по 10 февраля 2008 года получил от Я. часть требуемой суммы в размере 50 000 долларов США, а в период с 18 по 26 апреля 2008 года – автомобиль «В-У» причинив последнему материальный ущерб в вышеуказанном размере.

По эпизоду № 3, Т. признан виновным в совершении покушения на мошенничество, то есть умышленных действиях направленных на хищение путём обмана чужого имущества в особо крупном размере – денежных средств, принадлежащих Я., на общую сумму 13 908 000 рублей, с использованием своего служебного положения.

Из материалов дела усматривается, что Т. решил продолжить преступные действия в отношении Я., рассчитывая вновь путём обмана похитить принадлежащие ему денежные средства, сообщив тому заведомо ложные сведения о планируемом привлечении его к уголовной ответственности по уголовному делу № 89612. После чего, получив 16.12.2008 года от Я. часть требуемой суммы – 100 000 долларов США, Т. был задержан сотрудниками правоохранительных органов.

Как видно, в каждом из вышеприведённых случаев, действия Т. были квалифицированы органами предварительного расследования и судом как самостоятельные составы, образующие совокупность преступлений.

Не соглашаясь с выводами суда о совершении Т. трёх самостоятельных преступлений, образующих совокупность, сторона защиты указала в своих жалобах на неправильное применение судом первой инстанции норм материального права.

По мнению защиты, с которым, на наш взгляд, следовало согласиться, квалификация действий Т. по эпизодам № 1 и № 2 его преступной деятельности является излишней. Содеянное им полностью охватывается предъявленным ему обвинением по эпизоду № 3, т.е. в совершении Т. единого продолжаемого неоконченного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 ч. 4 ст. 159 УК РФ.

На наш взгляд, общность всех эпизодов в данном случае, прежде всего, вытекает из единства умысла, направленного на хищение денежных средств и имущества в особо крупном размере, принадлежащих Я., а также взаимосвязанности и взаимообусловленности совершения в отношении последнего ряда тождественных действий, являющихся элементами одного преступления.

Как ранее отмечалось, обман, совершение которого в отношении Я. вменен Т., относится законодателем к одному из способов мошенничества. Из материалов дела видно, что, в каждом случае, сообщая одни и те же ложные сведения, Т. обещал Я. добиться его освобождения от уголовной ответственности по уголовному делу № 89612.

Таким образом, следуя конструкции предъявленного обвинения, обман, в частности, введение Я. в заблуждение относительно своих истинных намерений, каждый раз совершался Т. одним и тем же способом – посредством обещания освобождения его от уголовной ответственности по конкретному уголовному делу.

В этой связи, именно освобождение от уголовной ответственности по уголовному делу № 89612 являлось для Я. единственно ожидаемым результатом, в целях достижения которого он в каждом случае последовательно передавал деньги и имущество. По нашему мнению, обсуждение с последним самого механизма достижения указанного результата, т.е. того, каким именно образом и при содействии каких должностных лиц он будет получен, для правильной квалификации значения не имеет, поскольку сами по себе эти действия не являлись предметом «сделки» между Я. и Т.

Частично соглашаясь с доводами защиты, Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда своим кассационным определением приговор изменила, указав, что не может согласиться с обоснованностью квалификации действий осужденного Т. по факту хищения у потерпевшего Я. в период времени с ноября 2007 г. по апрель 2008 г. имущества на общую сумму 9 306 453 рубля; и попытке хищения путем обмана 16 декабря 2008 г. денежных средств у Я. в размере 100 000 долларов США, дополнительно по ч. 4 ст. 159, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ. Как видно из материалов уголовного дела и установлено судом в приговоре, в период времени с сентября 2007 г. по 16 декабря 2008 г., Т. вначале по предварительному сговору с А., а затем единолично, совершил тождественные, однородные действия, приведшие к наступлению однородных последствий, направленные к единой цели – хищению у потерпевшего Я. денежных средств, совершенные в рамках единой формы вины.

О наличии у Т. единого умысла на хищение денежных средств у Я. путем обмана свидетельствует и то обстоятельство, что все эти случаи хищения денежных средств совершены в отношении одного потерпевшего, при этом Т. сообщал ему одни и те же ложные сведения о грозящем тому уголовном преследовании по одному и тому же уголовному делу.

Следовательно, такие действия Т. не могут расцениваться как совокупность преступлений, поскольку образуют единое продолжаемое преступление, пресеченное сотрудниками правоохранительных органов, но данное преступление считается оконченным,

поскольку похищенными деньгами в сумме 250 000 долларов США, а также похищенными катером и автомобилем Т. распоряжался по своему усмотрению.

По мнению коллегии, при таких обстоятельствах действия Т. по факту хищения денежных средств Я. совместно с А., в сентябре-октябре 2007 г. в сумме 250 000 долларов США, а также по факту хищения в период времени с ноября 2007 г. по апрель 2008 г. у Я. имущества на общую сумму 9 306 453 рубля (катера и автомашины) и попытки хищения 16 декабря 2008 г. денежных средств у Я. в размере 100 000 долларов США надлежит квалифицировать по одной статье, предусматривающей ответственность за мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, совершенное группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере, то есть по ч. 4 ст. 159 УК РФ⁵.

На наш взгляд, в данном случае речь всё же должна была идти о неоконченном хищении, поскольку Т. был задержан сотрудниками ФСБ России немедленно после передачи ему оставшейся части денежных средств, и, стало быть, не имел возможности распорядиться ими по своему усмотрению.

Здесь также следует отметить, что имущественный ущерб не может причиняться непосредственно в момент изъятия и (или) обращения чужого имущества. Закрепление подобной практики противоречило бы законной деятельности оперативных работников при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленной на изобличение виновного, например непосредственно в момент совершения преступления. В противном случае, следовало бы признать, что, действуя вопреки интересам службы, работники правоохранительных органов каждый раз при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) сознательно допускают причинение потерпевшему общественно-опасных последствий, то есть, позволяют завершиться начатой преступной деятельностью.

В этой связи, проблема материальной сущности хищения нам видится ещё и в дискредитации института потерпевших, когда без достаточных на то оснований органы предварительного расследования признают в качестве таковых лиц, задействованных при проведении ОРМ, которым по обстоятельствам дела не был и не мог быть причинен какой-либо вред. Так, в частности, привлекаемые для проведения ОРМ денежные средства, как правило, не принадлежат указанным лицам, а их собственное участие носит добровольный характер, проходит под контролем оперативных сотрудников, что в целом исключает какие-либо негативные последствия преступления.

---

⁵ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 14 марта 2011 года по делу №22-1932/11.

На наш взгляд, имущественный ущерб исключается и в тех случаях, когда денежные средства или иное имущество, задействованные при проведении ОРМ, были предоставлены гражданскими лицами. Сказанное обусловлено требованиями законности и целесообразности при проведении оперативно-следственных мероприятий, в ходе реализации которых обнаруженные предметы во всяком случае изымаются, приобщаются в качестве доказательств, а позднее – возвращаются судом по принадлежности их законному владельцу.

Несмотря на это, Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда признала, с одной стороны, общность всех эпизодов, с другой - незавершённость последнего эпизода, что, на наш взгляд, исключало квалификацию содеянного Т. как оконченного хищения в целом.

Президиум Московского городского суда не усмотрел в этой части каких-либо нарушений.

Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2012 г. по надзорным жалобам защитников Т. возбуждено надзорное производство, а надзорные жалобы вместе с уголовным делом были переданы на рассмотрение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

По мнению суда надзорной инстанции, судебная коллегия Московского городского суда ошибочно включила в состав единого продолжаемого оконченного преступления действия Т. в период с сентября по декабрь 2008 г., направленные на хищение путем обмана денежных средств Я. в сумме 100 000 долларов США, не доведенные до конца вследствие задержания Т. сотрудниками правоохранительных органов после получения им части оговоренной суммы - 100 000 долларов США, и тем самым ухудшила правовое положение осужденного.

Как указано в определении суда надзорной инстанции, поскольку к этому моменту Т. уже совершил в отношении Я. оконченное преступление, содержащее все признаки хищения чужого имущества путем обмана с использованием служебного положения, группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере, а передача потерпевшим Я. 100 000 долларов США Т. осуществлялась под контролем правоохранительных органов и была обусловлена необходимостью изобличения Т., собирания достоверных доказательств его преступной деятельности, действия Т. по завладению деньгами в сумме 100 000 долларов США не являлись самостоятельным преступлением и были излишне инкриминированы ему как покушение на хищение чужого имущества (здесь, вероятно, Судебная коллегия ВС РФ имела ввиду оконченное хищение чужого имущества, поскольку действия Т. в итоге были

квалифицированы Судебной коллегией Московского городского суда именно как единое продолжаемое оконченное хищение, что также следует из текста надзорного определения).

Так, в частности, Судебная коллегия ВС РФ полагает необходимым исключить из осуждения Т. по ч. 4 ст. 159 УК РФ (хищение денежных средств и имущества Я.) действия в период с сентября по декабрь 2008 г., направленные на хищение путем обмана денежных средств Я. в сумме 100 000 долларов США, как излишне вмененные⁶.

Итак, мотивируя свою позицию, коллегия указала, что в двух предшествующих случаях Т. совершил оконченное хищение чужого имущества в особо крупном размере на сумму, превышающую один миллион рублей, поскольку распорядился похищенным по своему усмотрению. Другими словами, из обвинения Т. был исключен последний (третий) эпизод единого продолжаемого преступления.

Такое решение нам представляется спорным по следующим основаниям. Исключение из обвинения Т. последнего эпизода не соответствует характеру и степени общественной опасности содеянного, свидетельствует об избирательном подходе правоприменителя. Представим себе ситуацию с двумя тождественными эпизодами единого продолжаемого преступления, в ходе совершения которого общая сумма похищенного превысила особо крупный размер (или любой иной) лишь в момент изобличения виновного с поличным на втором эпизоде. Разве мы отказались бы здесь от квалификации последнего эпизода, и преступления в целом как неоконченного? На наш взгляд, полученная возможность распорядиться похищенным после совершения первого эпизода, а, по сути, лишь некоторой частью чужого имущества, посягательство на которое прервано, в едином продолжаемом преступлении несколько не оправдывает идею о завершенности хищения, как не отвечающую правилам квалификации содеянного по направленности умысла.

Следует отметить, что вопрос о том, возникла ли такая возможность, должен решаться исходя из понимания её субъективного и объективного критериев.

Субъективный критерий содержит характеристику психического отношения виновного к возникновению возможности пользоваться или распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, т.е. осознает ли он свободу выбора варианта своего поведения в отношении предмета преступления во взаимосвязи с его потребительскими свойствами.

Объективный критерий включает в себя характеристику условий окружающей действительности с точки зрения их необходимости и достаточности, как позволяющих

---

⁶ См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2012 года по делу № 5-Д12-65

виновному пользоваться или распоряжаться чужим имуществом во внешней обстановке по своему усмотрению с учётом его потребительских свойств.

В теории уголовного права и судебной практике нет единого мнения относительно момента окончания хищения имущества во взаимосвязи с его потребительскими свойствами, в зависимости от которых одна и та же стадия реализации преступного замысла может квалифицироваться по-разному. Например, при совершении кражи, присвоения или растраты продуктов питания виновному совсем не обязательно покидать охраняемую территорию для извлечения их полезных свойств, хотя ущерб в данном случае может быть куда более значительным, чем от хищения непотребляемого имущества, возможность пользоваться и распоряжаться которым как своим собственным объективно возникает только за пределами охраняемой территорией. В науке уголовного права вопрос о предмете хищения решается неоднозначно⁷. Возможна такая ситуация, когда похищается смешанное имущество с разными потребительскими свойствами, в связи с чем момент окончания хищения в каждом случае может также не совпадать. Представим себе, что в случае выявления хищения потребляемого имущества в пределах охраняемой территории действия виновного вполне могут быть квалифицированы как оконченное преступление, однако уже при попытке выноса смешанного имущества за пределы охраняемой территории действия виновного скорее всего будут квалифицированы как покушение на хищение имущества (потребляемого и непотребляемого), исходя из общей его стоимости вне зависимости от того, была ли у него возможность потребить часть имущества в пределах охраняемой территории. Иными словами, в приведенных примерах у менее опасного преступления будет более строгая квалификация.

Размышляя над существующими научными версиями признания хищения оконченным, некоторые авторы утверждают, что отождествление окончания хищения с возможностью виновного распорядиться чужим имуществом не совсем сопоставимо с

---

⁷ В.И. Гладких, П.В. Федотов, Р.Н. Шумов. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых на рынке недвижимости. Монография. Международный юридический институт. М., 2010. С.56.; В.И. Гладких, Д.В. Молчанов, Р.Н. Шумов. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности. Монография. Академия экономической безопасности МВД России. М., 2010. С. 67; В.И. Гладких, В.В. Казаков, Р.Н. Шумов. Противодействие преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере. Монография. Международный юридический институт. М., 2011. С. 84; В.И. Гладких, А.А. Краюшкин. Уголовно-правовые и криминологические меры предупреждения легализации преступных доходов. Монография. Международный юридический институт. М., 2011. С. 134-135; В.И. Гладких, В.Б. Воронин. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Монография. М.: Международный юридический институт. 2012. С. 70; В.И. Гладких, И.А. Соколов, Р.Н. Шумов. Преступления, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности: Проблемы правоприменения. Монография. Академия экономической безопасности МВД России. М., 2008. С. 73-97; Гладких В.И. Международное сотрудничество в сфере борьбы с компьютерной преступностью. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Международный юридический институт. 2012. С. 97-98; В.И. Гладких, Н.Т. Дудуня. Уголовная ответственность за корыстно-насильственные

задачами УК РФ в части охраны собственности. Момент окончания хищения отодвигается в область возможности незаконного извлечения виновным пользы из украденного имущества, что пренебрегает причиненным общественным отношениям собственности ущербом, который наступил уже тогда, когда потерпевший фактически был лишен возможности извлекать пользу из своего имущества⁸.

По сути, такой подход означает отождествление момента наступления ущерба, а вместе с ним – окончания хищения, с моментом изъятия и (или) обращения чужого имущества. Действительно, потребительские свойства некоторых предметов материального мира не всегда могут быть извлечены непосредственно в месте совершения хищения, что само по себе не может ослаблять уголовно-правовую защищенность собственности. Например, документы, деньги и предметы искусства в этом смысле проигрывают наркотическим средствам, психотропным веществам, тем же продуктам питания, алкогольным напиткам и т.д.⁹.

Соглашаясь с мнением о чрезмерной удаленности момента окончания хищения от момента изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц во взаимосвязи с имущественным ущербом, выскажемся всё же за исключение данного признака из понятия хищения, предложив тем самым сконструировать его по типу формального состава.

Здесь уместно задать вопрос, если хищение будет признаваться оконченным в момент изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, то как в этом случае следует учитывать, да и стоит ли вообще это делать, величину имущественного ущерба при квалификации содеянного?

Отвечая на этот вопрос, предлагаем руководствоваться субъективным и объективным критериями определения реальной возможности у виновного пользоваться или распоряжаться чужим имуществом как своим собственным (см. выше). В этой связи, в зависимости от того наступил или нет реальный имущественный ущерб все оконченные хищения, совершенные в каком-либо размере (малозначительный, незначительный, значительный, крупный, особо крупный), можно будет условно разделить на две группы –

преступления, сопряженные с убийством потерпевшего. Монография. М.: Международный юридический институт. 2012. С. 97-100.

⁸ Токарчук Р.Е. Момент окончания хищений и его соотношение с принципами и задачами Уголовного кодекса Российской Федерации//Научный вестник Омской академии МВД России № 3 (27), 2007. С. 57-60.

⁹ В.И. Гладких, Е.Н. Маслова. Оценочные категории в квалифицированных видах убийства. Монография. Международный юридический институт при Минюсте России. М., 2009. С. 126.

оконченные хищения с причинением имущественного ущерба, и, соответственно, оконченные хищения без причинения имущественного ущерба¹⁰.

Разумеется, причинение реального имущественного ущерба необходимо учитывать при описании преступления как характеристику общественной опасности содеянного, но уже не в качестве обязательного признака хищения. Например, в том случае, если виновное лицо застигнуто на месте преступления, его действия предлагаем квалифицировать как совершенное в каком-либо размере оконченное хищение исходя из стоимости похищенного имущества. Если же виновному удалось скрыться с похищенным имуществом и распорядиться им по своему усмотрению, то такие его действия в случае принятия нашего предложения следует квалифицировать как оконченное хищение, совершенное в каком-либо размере, с дополнительным описанием имущественного ущерба. Таким образом, хищение, совершенное в каком-либо размере, а также имущественный ущерб, фактически причиненный, получают свое самостоятельное уголовно-правовое значение.

Следует признать и другое, что, несмотря на распространение понятия хищения на все без исключения статьи УК, отсутствие материального ущерба сегодня вполне возможно или даже допускается практикой при квалификации как оконченных, преступлений, предусмотренных ст. ст. 221, 226 и 229 УК РФ. Так, хищение оружия, боеприпасов, наркотических средств и т.д., подлежащих уничтожению по приговору суда, объективно не может причинить какого-либо ущерба, однако на деле несколько не исключает подобную квалификацию как единственно возможную¹¹. Другой пример. В силу специфики предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), их хищение также может не сопровождаться причинением имущественного ущерба, что никак не влияет на положительное решение правоприменителя относительно завершенности преступления¹².

---

¹⁰ Бакрадзе А.А. Причинение материального ущерба при неоконченном хищении и оконченное хищение без материального ущерба / А.А. Бакрадзе // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. Т. 1. № 14-1. С. 213-216.

¹¹ Бакрадзе А.А. Теоретические основы уголовно-правовой охраны собственности от преступлений, совершаемых путём обмана или злоупотребления доверием: Монография / А.А. Бакрадзе. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 326; Бакрадзе А.А. Теоретические основы уголовно-правовой охраны собственности от преступлений, совершаемых путём обмана или злоупотребления доверием. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 414; Бакрадзе А.А. Теоретические основы уголовно-правовой охраны собственности от преступлений, совершаемых путём обмана или злоупотребления доверием. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 39-40.

¹² Бакрадзе А.А. Признаки культурных ценностей как предмета преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ / А.А. Бакрадзе // Российский следователь, 2010. № 8. С. 12-16; Бакрадзе А.А. Предмет преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ / А.А. Бакрадзе // Российский следователь, 2009. № 23. С. 11-13; Бакрадзе А.А. Причинение материального ущерба при неоконченном хищении и оконченное хищение без материального ущерба / А.А. Бакрадзе // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. Т. 1. № 14-1. С. 213-216.

Иными словами, в некоторых случаях правоприменительная практика уже идёт по пути фактического признания хищения формальным составом, хотя каких-либо законодательных предпосылок сегодня к этому не имеется.

Подводя итог сказанному, в случае законодательного закрепления понятия хищения по типу формального состава можно ожидать следующих результатов:

1. Неукоснительного соблюдения принципа законности и единообразия следственно-судебной практики при решении вопроса о моменте окончания любого преступления, совершаемого посредством хищения;
2. Усиления уголовно-правовой охраны собственности, поскольку момент окончания преступления будет перенесён на более раннюю стадию – момент изъятия и (или) обращения чужого имущества – в отрыве от факта причинения имущественного ущерба;
3. Решения проблем квалификации, связанных с потребительскими свойствами имущества (потребляемого и непотребляемого) и хищениями с охраняемых территорий;
4. Уменьшения количества потерпевших по уголовным делам за счёт тех случаев, когда признание последних таковыми прямо не вытекает из обстоятельств дела, не вызвано необходимостью и носит скорее формальный характер;
5. Решения проблемы квалификации единого продолжаемого преступления как в целом неоконченного только в силу того, что при совершении последнего из ряда тождественных эпизодов виновный был изобличен.